

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2023. Том 27, № 1
ЧЕХОВСКИЕ СТРАНИЦЫ

Научная статья

УДК 82-3

ББК 83.3

DOI 10.18522/1995-0640-2023-1-46-53

ЧЕХОВ И ШОЛОХОВ: РЕГУЛИРУЕМЫЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

Марина Ченгаровна Ларионова

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Нерегулируемые перекрестки, по словам Е. А. Яблокова, это художественные сближения биографически не связанных между собой писателей. На первый взгляд, творчество Чехова и Шолохова образует такой нерегулируемый перекресток. Однако эта непересекаемость кажущаяся. В статье показана общность писателей, принадлежащих одному этнокультурному пространству. Выявлены совпадения в функциях образа степи в рассказах Чехова и романе-эпопее «Тихий Дон», показано сходство и различие писателей в обращении к теме казачества. Таким образом, сопоставление этих писателей может вестись как в направлении их типологической общности, так и генетической преемственности.

Ключевые слова: Чехов, Шолохов, степь, казаки, «Печенег», «Тихий Дон»

Для цитирования: Ларионова М. Ч. Чехов и Шолохов: регулируемые перекрестки // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2023. Т. 27. № 1. С. 46 – 53.

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

Original article

CHEKHOV AND SHOLOKHOV: REGULATED INTERSECTIONS

Marina Ch. Larionova

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. Unregulated intersections, according to E.A. Yablokov, are artistic rapprochement of writers not connected to each other biographically. At first glance, the oeuvres of Chekhov and Sholokhov form such an unregulated intersection. However, it is seemingly unregulated, seemingly

© Ларионова М. Ч., 2023

uncrossed. The article highlights the commonality of writers, who belonged to one ethno-cultural space. The author indicates the consilience of functions of the image of steppe in Chekhov's short-stories and Sholokhov's epic novel *The Silent Don* (*Tikhly Don*), the similarities and differences when it comes to the writers focus on the Cossacks and related issues. Thus, the comparison of the writers may be both within their typological commonality and genetic succession.

Key words: *Chekhov, Sholokhov, steppe, Cossacks, The Petcheneg, The Silent Don (Tikhly Don)*

For citation: *Larionova M.Ch. Chekhov and Sholokhov: regulated Intersections // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2023. T. 27. № 1. P. 46 – 53.*

Acknowledgments: The publication was prepared within the framework of the implementation of the State Research Center of the Russian Academy of Sciences, project no. 122020100347-2.

Введение

«Нерегулируемые перекрестки» – так назвал книгу, посвященную творческому «диалогу» писателей, биографически не связанных между собой, Е.А. Яблоков. Он определил культуру как «вечнонаселенный пункт, в котором постоянно что-нибудь пересекается, причем непредсказуемым образом» [Яблоков, 2005, с. 3]. На первый взгляд, сопоставление творчества Чехова и Шолохова – такой «нерегулируемый перекресток». Действительно, книжный, тонкий Чехов с его интеллигентными рефлексирующими героями, с его юмором и лаконизмом – с одной стороны, и народный, казачий, эпический Шолохов – с другой. Вероятно, поэтому почти нет серьезных работ, сопоставляющих этих писателей, выявляющих чеховские традиции в произведениях Шолохова, а те, что есть, имеют самый общий характер. Например, лиризм степного пейзажа, отмечаемый исследователями Шолохова, может быть возведен и к Гоголю, и к Фету, и к Тургеневу, и к Бунину. К «Слову о полку Игореве...», наконец. В.О. Ключевский считал степь не только элементом национального ландшафта, но и «свойством» русской души: «лес и особенно степь действовали на русского человека двусмысленно» [Ключевский, 1997, с. 48], – широта и опасность, воля и разгул. По словам современного исследователя, «образ широкой и просторной степи, едва появившись в литературе, молниеносно стал штампом» [Строганов, 2009, с. 17]. Обзор работ о чеховских традициях у Шолохова представлен в статье Т.О. Осиповой [Осипова, 2012], добавлю вышедшие позже статьи [Тамахин, 1975; Шацкий, 2017; Шацкий, 2021; Суркова, 2020].

Исследование и его результаты

«Нерегулируемость» сближения Шолохова и Чехова, их непересекаемость, однако, кажущаяся. «Степным царем» в литературе Чехов назвал Гоголя. Это определение в полной мере может быть отнесено к самому Чехову. Он изображает не просто степь, а именно донскую степь, создает «степную энциклопедию». Поэтому многие реалии чеховской степи требуют этнокультурного комментария – они непонятны читателям другого региона. Что это за птицы – старички? А рыба – чикамас? А шолоховские горюнок или скошенные кулиги хлеба?

Но степи Чехова и Шолохова сближаются не столько пейзажно, не столько языковыми, диалектными, способами изображения, сколько

функционально – это место блуждания, физического и духовного странствования, становления, упорядочивания, испытания, освобождения от прошлого и подготовки к настоящему. Во всех произведениях Чехова, действие которых полностью или частично происходит в степи, актуализуется значение этого топоса как пространства перелома, испытания, перемены статуса («Барыня», «Степь», «В родном углу», «Печенег» и др.). Связь с мотивами испытания героя определяет двойственную природу образа степи: с одной стороны, необъятный простор, с другой – гибельность и дикость, «татарщина», по выражению писателя. Именно в таком качестве предстает степь в южнорусском фольклоре. В казачьей песне нет красивой степи, она, наоборот, выглядит пустой и неяркой благодаря своему мортальному, часто inferнальному мотивно-образному наполнению.

В степи совершаются трагические события в произведениях М.А. Шолохова, гибнут герои, как в рассказах «Червоточина», «Родинка», «Обида», Акси́нья в романе «Тихий Дон». В степи Григорий говорит Наталье о своей нелюбви в первом томе. В степи она проклинает Григория, желает ему смерти – в четвертом. Примечательно, что живая, цветущая степь у Чехова – явление кратковременное, она гибнет под палящими лучами солнца. В романе Шолохова естественная, природная жизнь степи часто противопоставлена жизни людей, убивающих друг друга. Так степь становится у Чехова и Шолохова не просто местом действия, а метаобразом, приобретает бытийный характер, организует всю структуру художественного текста.

Шолохов занял особое место в русской и мировой литературе во многом благодаря широкому изображению жизни, быта, истории, картины мира, духовных ценностей донского казачества. В одном из выступлений он сказал, что до него о донских казаках не было создано ни одного произведения. Не говоря уж о стихотворениях Пушкина «Казак», «Делибаш» и др., где речь идет именно о донских казаках, есть целый ряд произведений на «казачью» тему у Чехова. И если у Пушкина изображение казаков еще можно объяснить романтической экзотикой, то Чехов этнографически и исторически точен, поскольку стал свидетелем судьбоносного для его родного города события. 1 января 1888 года состоялось присоединение Таганрога, который до этого входил в состав Екатеринославской губернии, к Области Войска Донского. Это означало смену не только административной и общественной, но и культурной парадигмы. Это событие было встречено таганрожцами, и теми, кто жил в городе, и теми, кто уехал, неоднозначно. С одной стороны, объединение территорий должно было финансово укрепить Область Войска Донского, с другой, «организация и весь быт казаков принадлежит иной исторической эпохе», как писал в Петербург таганрогский Городской голова А. Алфераки, имея в виду воинский, патриархальный уклад казачьей жизни [Алфераки, ГАРО].

Чехов, судя по письмам и произведениям, не без иронии относился к казакам. Во время поездки на родину в 1887 г. он побывал на казачьей свадьбе «с музыкой, бабьим козлогласием и возмутительной попойкой» [Чехов, П., т. II, с. 72]. Примерно в это время он писал Н.А. Лейкину: «Жил я в последнее время в донской Швейцарии, в центре так называемого Донецкого кряжа:

горы, балки, лесочки, речушки и степь, степь, степь... Жил я у отставного хорунжего, обитающего на своем участке вдали от людей. Кормили меня супом из гуся... будили стрельбой из ружей (в кур и гусей, которых здесь не режут, а стреляют)... тем не менее, жилось мне превосходно. Впечатлений тьма...» [Чехов, П., т. II, с. 79]. Публицист и этнограф Я.Я. Полферов вспоминал о сказанных с горечью словах Чехова о казаках: «Мне больно было видеть, что такой простор, где все условия созданы, казалось, для широкой культурной жизни, положительно окутан невежеством, и притом невежеством, исходящим из правящей офицерской среды...» (цит. по: [Чехов, С., т. IX, с. 532]).

Мало кто обращает внимание, что первый печатный рассказ Чехова «Письмо к ученому соседу» написан от лица «Войска Донского отставного урядника из дворян» Василия Семи-Булатова. Рассказ представляет собой письмо глубоко невежественного человека, но «пламенного любителя» науки – «астрономов, поэтов, метафизиков, приват-доцентов, химиков» [Чехов, С., т. I, с. 11]. Это сочетание рождает комический эффект, поэтому рассказ был охотно принят юмористическим журналом «Стрекоза». Способствуют созданию комизма и известные современникам Чехова исторические обстоятельства. Казаки – воинское сословие, об уровне их образования можно судить по героям Шолохова. Однако еще в конце XVIII в. казачьи чины приравнивали к общевоинским и казачьи офицеры получили права русского дворянства с земельными наделами. Вот о таких необразованных казаках пишет Чехов в рассказах «Письмо к ученому соседу» и «Печенег». Но и у Шолохова в «Тихом Доне» есть похожие персонажи и эпизоды, вызывающие смех, например, рассказ Авдеича о «мертвячьих костях» – «голова – ей-богу, не брешу – с польской котел» и о поимке разбойника в Петербурге [Шолохов, т. I, с. 136–137]. Разница в том, что у Чехова рассуждения Семи-Булатова и Жмухина вызваны их невежеством, а Шолохов, скорее, видит в этом творческий потенциал и народный юмор казаков.

С чеховским «Печенегом» роман Шолохова перекликается особенно заметно. Это сходство может быть объяснено знакомством Шолохова с этим чеховским рассказом. Но, судя по приведенному выше высказыванию писателя об отсутствии произведений о донских казаках, он мог его и не читать. Следовательно, и Чехов и Шолохов отразили одну и ту же этнографическую и историческую реальность, сложившийся в обществе комплекс устойчивых представлений о казаках, берущий начало еще в донском фольклоре. Приведу несколько примеров. И Чехов, и Шолохов, подчеркивая маскулинность казаков, придают им «волчьи» черты: «Прокофий Мелехов жил бирюком» [Шолохов, т. I, с. 14], Лиза Мохова уподобляется «кусту дикой волчьей ягоды» [Шолохов, т. I, с. 127] – «волчатами» называет своих сыновей Жмухин [Чехов, С., т. IX, с. 325]. У обоих писателей казаки – разбойники, «печенеги». Жмухин рассказывает историю, как казаки высекали вдову кавказского князька, каждую ночь плачущую на его могиле. Еще более страшный пример дикости казаков приводит Шолохов в эпизоде с изнасилованием Франи [Шолохов, т. I, с. 222–225]. Похоже изображен семейный уклад казаков, отношение к женщине: «Муж ... тянет кровя», как говорит Аксинья [Шолохов, т. I, с. 28], «Иной около жены – “Маня, Маня”, а если бы его воля, то он бы эту Маню в мешок да в воду» –

Жмухин [Чехов, С., т. IX, с. 325]. Есть и более частные совпадения: жену Жмухина отдали замуж в 17 лет, как и Аксинью за Степана, Прокофий Мелехов служил в турецкую кампанию, Жмухин служил на Кавказе и т.д.

Один из рассказов Чехова называется «Казак», хотя главный герой в нем вовсе не казак. Мещанин Торчаков, едущий с женой из церкви, не дал разговеться на Пасху встреченному в степи больному казаку. Больной или раненый казак в степи – это распространенный мотив казачьих песен. Этот персонаж вносит в рассказ имплицитный, «свернутый» сюжет, который разворачивается за пределы повествования благодаря казачьей песне. Когда Торчаков отправится искать казака, выяснится, что никто его не видел. Либо в облике казака Торчакова испытывали сверхъестественные силы, т. е. он встретил свою судьбу, долю, что вполне согласуется с пасхальной обрядностью, либо казак умер. Муки совести приводят Торчакова к распаду семьи и хозяйства: «Лошади, коровы и ульи мало-помалу, друг за дружкой стали исчезать со двора, долги росли, жена становилась постылой...» [Чехов, С., т. VI, с. 168]. Примечательно, что упадок хозяйств изображен и в «Тихом Доне» и тоже в связи с мотивом «раненый или умерший казак». Разумеется, исторический фон этих произведений разный, но «этимология» мотива восходит в обоих случаях к казачьему фольклору.

Чехов зафиксировал то представление о казачестве, которое сложилось у неказачьего населения к концу XIX в., когда героический этап жизни этносословия миновал, когда сложилось донское казачье чиновничество, когда на смену воинским заслугам и доблести пришли власть и деньги. Шолохов, знавший жизнь казачества изнутри, сумел вернуть читателям в стране и мире и достоинства, и недостатки казаков.

Возможно еще одно направление сопоставления двух этих писателей – условно говоря, ретроспективное. Е.А. Яблоков характеризует его так: «сопоставительный анализ не только углубляет понимание более позднего по времени произведения, но и изменяет восприятие текста более раннего – который, как бы “перенастраиваясь”, начинает обнаруживать ранее неизвестные свойства» [Яблоков, 2005, с. 248]. В круг донских «казачьих» рассказов Чехова безусловно включаются «Казак» и «Печенег». Мы добавили туда «Письмо к ученому соседу».

Но если взглянуть на рассказы Чехова «через Шолохова», то этот ряд можно значительно пополнить. Уже было сказано о чеховской повести «Степь», где среди персонажей нет казаков, но есть несколько явных «казачьих» отсылок, например, песня «Наша матушка Расия всему свету га-ла-ва!», именно так поет ее в повести Кирюха, или мотив становления героя в мужском сообществе. Не случайно В.А. Гиляровский, по матери запорожский казак, после смерти Чехова писал: «Нет, Антоша, не пивать тебе больше сливянки, не видать тебе своих донских степей, целинных, платовских, так прекрасно тобой описанных...» [Гиляровский, 1960, с. 134]. Даже такая, казалось бы незначительная, деталь, как именование чеховского Егорушки не Георгием, а Егорием, как его называет Пантелей Холодов, приобретает специфический казачий смысл после романа Шолохова. У Чехова («Степь»): «Тебя как звать? – Егорушка. – Стало быть, Егорий... Святого великомученика Егоргия

Победоносца числа двадцать третьего апреля» [Чехов, С., т. VII, с. 51]. У Шолохова («Тихий Дон»): «Брешешь ты, Брехович! <...> Не было среди казаков святых! Все они мужичьего роду. – Нет, был! <...> – Кто? – А Егорий-победоносец? – Тюууу! Окстись, чумовой! Да рази ж он казак? – Чистый донской, родом с низкой станицы, кубыть Семикаракорской» [Шолохов, т. III, с. 286].

В рассказе «В родном углу» создан образ степи, поглотившей молодость героини, метонимически перенесенный на дедушку: «За обедом и за ужином он ел ужасно много; ему подавали и сегодняшнее, и вчерашнее... и он все съедал с жадностью, и от каждого обеда у Веры оставалось такое впечатление, что когда она потом видела, как гнали овец или везли с мельницы муку, то думала: “Это дедушка съест”» [Чехов, С., т. IX, с. 317]. В «Тихом Доне» про Пантелея Прокофьевича: «Он стал прожорлив, ел много и неряшливо. <...> Пантелей Прокофьевич ел быстро и жадно, на бороде его звеньями лежала лапша. <...> – Едите вы, батенька, будто три дня не евши! – со злобой сказала Дарья...» [Шолохов, т. I, с. 310]. А потом про Аникушку: «А и жрать ты здоров! Чрево у тебя, стало быть, как у борова. <...> Жрет, нечистый дух, неподобно! Куда он столько пихает? Приглядываюсь к нему эти дни, и вроде ажник страшно: сам, стал быть, небольшой, а уж лопает, как на пропасть» [Шолохов, т. III, с. 18–19]. И хотя из чеховского рассказа казачий контекст прямо не следует, такое допущение возможно. Однако возможно и обратное предположение: Шолохов наследует Чехову. Зато такая южнорусская реалия, как сушеная вишня «с родимых донских своих садов», которую просит прислать Петро [Шолохов, т. I, с. 311], ассоциируется с сушеной вишней, которую когда-то из чеховского вишневого сада возами отправляли в Москву и в Харьков [Чехов, С., т. XIII, с. 206].

Заключение

Таким образом, перекресток «Чехов – Шолохов» оказался вполне «регулируемым». Сопоставление этих писателей может вестись в направлении их генетической преемственности, поскольку Шолохов читал Чехова и ценил его как писателя. Следовательно, мог наследовать ему. Не менее плодотворным может оказаться типологическое сопоставление этих художников, выявление в их произведениях общей этнокультурной основы, особенностей регионального, или, как сейчас принято говорить, «локального текста».

Список источников

- Алфераки А.* Записка Таганрогского городского головы // ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 893.
- Гиляровский В.А.* Жизнерадостные люди // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Наука, 1960. С. 104–134.
- Ключевский В.О.* Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М., 1997.
- Осипова Т.О.* Чехов // Шолоховская энциклопедия. М.: Изд. Дом «СИНЕРГИЯ», 2012. С. 1005–1006.
- Строганов М.В.* Ландшафтные образы и идентичность «воображаемых сообществ» // Степь широкая: пространственные образы русской культуры: материалы междунар. науч. конф. Курск: КГУ, 2009. С. 7–27.

Суркова Л.А. А.П. Чехов и М.А. Шолохов: энергия добра // Гуманитарий юга России. 2020. Т. 9 (42). № 2. С. 285–302.

Тамахин В.М. Шолохов и Чехов // Гуманизм художника: К 70-летию со дня рождения. Ставрополь: Ставроп. гос. пед. ин-т, 1975. С. 125–142.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения (С.): в 18 т. Письма (П.): в 12 т. М.: Наука, 1974–1983.

Шацкий Е. Следуя чеховской традиции // Дон. 2017. № 4–6.

Шацкий Е. Персонажи-тезки, или Код Чехова в романах Шолохова // Вопросы литературы. 2021. № 2. С. 116–139.

Шолохов М.А. Тихий Дон: роман в четырех книгах. М.: Художественная литература, 1985–1986.

Яблоков Е.А. Нерегулируемые перекрестки: О Платонове, Булгакове и многих других. М.: Пятая страна, 2005. 248 с.

References

Alferaki A. Note by the Head of the City of Taganrog. *SARR Records Inventory*, series no. 55, list no. 1, folder no. 893. (In Russian).

Chekhov A.P. (1974–1983). *Complete collection of works and letters: in 30 volumes. Works: in 18 volumes. Letters: in 12 volumes.* Moscow, Nauka. (In Russian).

Gilyarovskiy V.A. (1960). Cheerful people. In: *A.P. Chekhov in the memories of his contemporaries.* Moscow, Nauka, pp. 104–134 (In Russian).

Klyuchevskiy V.O. (1997). *Complete course of lectures in three books.* Book no. 1. Moscow. (In Russian).

Osipova T.O. (2012). Chekhov. *Sholokhov Encyclopaedia.* Moscow: Sinergiya, pp. 1005–1006 (In Russian).

Shatskiy E. (2017). Following the Chekhov's tradition/pattern. *Don*, no. 4–6. (In Russian).

Shatskiy, E. (2021). Characters-namesakes or the Code of Chekhov in Sholokhov's novels. *Russian Studies in Literature*, no. 2, pp. 116–139 (In Russian).

Sholokhov M.A. (1985–1986). *The Silent Don. A novel in four books.* Moscow. (In Russian).

Stroganov M.V. (2009). Landscape images and identity of the 'imagined communities'. *Wide steppe: spatial images of the Russian culture. Proceedings of International Scientific Conference.* Kursk: KSU, pp. 7–27 (In Russian).

Surkova, L.A. (2020). A.P. Chekhov and M.A. Sholokhov: the energy of the good. *The Humanities researcher of the South of Russia*, vol. 9 (42), no. 2, pp. 285–302 (In Russian).

Tamakhin V.M. (1975). Sholokhov and Chekhov. *Humanism of the artist: on the 70-year birth anniversary.* Stavropol: Stavropol State Pedagogical Institute, pp. 125–142 (In Russian).

Yablokov E.A. (2005). *Unregulated intersections: on Platonov, Bulgakov, and many others.* Moscow: Pyataya strana, 248 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Ларионова Марина Ченгаровна – докт. филол. наук, зав. отделом гуманитарных исследований, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, профессор кафедры отечественной литературы Южного федерального университета, larionova@ssc-ras.ru

Information about the Author

Marina Ch. Larionova – grand Ph.D. of Philology, Professor. Head of the Department of Humanitarian Studies, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Department of National Literature, Southern Federal University, larionova@ssc-ras.ru

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 20.01.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 20.01.2023.